
Андрей Тусичишный

ДИАЛОГ С Н.М. КАРАМЗИНЫМ В РОМАНЕ «ИДИОТ»

Произведения Н.М. Карамзина были для Достоевского арсеналом идей, символов, имен. Это свидетельствует о глубоком интересе к любимому, хорошо знакомому с детства автору.

«История государства Российского» Карамзина позволяет определить происхождение некоторых фамилий героев Достоевского. Начиная с повести «Двойник», Достоевский проецирует идеи «Истории государства Российского» на фамилии своих героев. Например, Голядкин — потомок «голядов», или «голяди» — народности, упоминаемой в произведении Карамзина. Во II томе говорится о том, что великий князь Изяслав, сын Ярослава Мудрого, ставший его преемником, «победил голядов»¹. Карамзин подчеркивает, что это был несчастный народ: «<...>жестокая зима, голод и мор истребили большую часть сего народа»². Чиновники — друзья-враги государства, как берендеи, которых Мономах изгнал из России³. Отсюда фамилия крупного чиновника Берендеев. Берендеи — первоначально враги, потом союзники, но союзники лицемерные и коварные⁴. Литовский князь Свидригайло назван «легкомысленным и надменным»⁵. К уже известным источникам фамилии Епанчин от «епанча» (короткий военный плащ, форменная одежда солдат и офицеров) можно добавить и другой, связанный, как нам кажется, с единой идейной системой, определяемой в романе концептами «князь» и «дворянин». Генерал Епанчин, возможно, потомок князя Епанчи, который упоминается в IX томе «Истории», в VI главе, посвященной завоеванию Сибири: «На месте нынешнего Туринска стоял городок князя Епанчи, который, повелевая многими татарами и вогуличами, встретил смелых пришельцев тучею стрел с берега <...>, но

бежал, устрешенный громом пушек»⁶. В «Истории» упоминается и дворянин Лебедев; во время правления царя Феодора Иоанновича он и его сообщники из корысти «тайно условились зажечь столицу, ночью, в разных местах, и в общем смятении расхитить богатую казну, хранимую у церкви Василия Блаженного»⁷. Как видим, этимология этих фамилий отчетливо отражена в образах Достоевского.

Фамилия главного героя романа «Идиот» символична и, как известно, восходит к «Истории государства Российского», о чем говорит «всезнайка» Лебедев на первых страницах произведения: «<...>имя историческое, в Карамзина «Истории» найти можно и должно<...>» (8; 8). Об этом первым написал замечательный исследователь Георгий Федоров⁸, потом этот факт трактовали Т. Касаткина, К. Степанян. Но для полноты картины считаем нужным повторить текст Карамзина здесь. Фамилия героя как бы предваряет трагическую финальную сцену, ради которой, по словам автора, и был написан весь роман (28, II; 318). Во II главе VI тома «Истории государства Российского», повествующего о правлении Иоанна III, рассказывается о строительстве нового храма, которому придавали огромное значение: «Соборный храм Успения, основанный Св. Митрополитом Петром, уже несколько лет грозил падением, и Митрополит Филипп желал воздвигнуть новый по образцу Владимирского. Долго готовились; вызывали отовсюду строителей; заложили церковь с торжественными обрядами, с колокольным звоном, в присутствии всего Двора; перенесли в оную из старой гробы Князя Георгия Даниловича и всех Митрополитов (сам Государь, сын его, братья, знатнейшие люди несли мощи Св. Чудотворца Петра, особенного покровителя Москвы). Сей храм еще не был достроен, когда Филипп Митрополит, скоро после Иоаннова бракосочетания, преставился, испуганный пожаром, который обратил в пепел его Кремлевский дом: обливаясь слезами над гробом Св. Петра, и с любовью утешаемый Великим Князем, Филипп почувствовал слабость в руке от паралича; велел отвезти себя в монастырь Богоявленский, и жил только один день, до последней минуты говорив Иоанну о совершении новой церкви. Преемник его Геронтий (бывший Коломенский Епископ, избранный в митрополиты Собором наших Святителей) также ревностно пекся об ее строении; но едва складенная до сводов, она с ужасным треском упала, к великому огорчению Государя и народа»⁹. В примечаниях Карамзин указывает виновных в падении цер-

кви: «Главные Архитекторы были Ивашко Кривцов и Мышкин: они растворяли известь с песком, и весьма жидко; а в стены насыпали мелких каменьев»¹⁰. Мышкин тоже, как архитектор, стремится построить храм идеальных человеческих взаимоотношений.

Имя Лев могло быть навеяно «Историей» Карамзина. Лев у древних славян изображал Чернобога. Карамзин так описывает одного из идолов Чернобога: «<...>он изображался более страшным, нежели дружелюбным: с головою львиною <...> сей бог хотя и принадлежал к числу добрых, однако ж в некоторых случаях мог и вредить человеку»¹¹, то есть одно из значений этого символа — вредитель. Лев Мышкин, будучи добрым, мог приносить вред другим.

Титул «князя» отсылает нас к «Истории» Карамзина и связан с «делом» героя Достоевского, как и его фамилия. Мышкин напоминает лучших русских князей, которые стремились преодолеть междоусобицы и объединить страну. Например, в «Истории» Карамзина говорится о великом князе Константине, правившем в XIII в., что он был «столь кроток, что старался не опечалить ни одного человека, любя делом и словом утешать всякого»¹². О князе Владимире Волынском, тоже жившем в XIII в., говорится как о «любителе правды, кротком, милостивом, трезвом, и за особую ученость по тогдашнему времени названного Философом. Сей добрый Князь Владимирский четыре года страдал как Иов»¹³. Мышкин — князь, потому что хочет объединить всех, подобно великим князьям, таким, как Мономах, которые стремились объединить Русь, то есть его титул имеет то же значение, что и фамилия, взятая из «Истории» Карамзина. Поколение Рюрика пресеклось смертью добродетельного царя Феодора Иоанновича, Мышкин тоже «последний в своем роде».

Отношение Мышкина к католической вере напоминает отношение к ней многих русских князей, например, Александра Невского, который «призвав мудрых людей, советовался с ними, и написал к Папе: “мы знаем истинное учение Церкви, а вашего неприемлем и знать не хотим”»¹⁴. Внук Дмитрия Донского великий князь Василий Васильевич выступил как рьяный защитник православия против Флорентийского собора¹⁵. Об отличии западной церкви от греческой Карамзин пишет в V томе «Истории»: «Однако ж, не смотря на свою знаменитость и важность, Духовенство наше не оказывало излишнего властолюбия, свойственного Духовенству Западной Церкви, и служа Великим Князьям в государственных делах полезным орудием, не спорило с ними о мирской власти. В раздорах Княжеских Митропо-

литы бывали посредниками, но избираемые единственно с обоюдного согласия, без всякого действительного права; ручались в истине и святости обетов, но могли только убеждать совесть, не касаясь *меча мирского*, сей обыкновенной угрозы Пап для ослушников их воли; отступая же иногда от правил Христианской любви и кротости, действовали так в угодность Государям, от коих они совершенно зависели, ими назначаемые и свергаемые»¹⁶. Об этом же еще более эмоционально говорит и князь Мышкин на званом вечере у Епанчиных, обвиняя католическую церковь в том, что она присвоила себе мирскую власть: «Римский католицизм верует, что без всемирной государственной власти церковь не устоит на земле, и кричит: «Non possumus!»*. По-моему, римский католицизм даже и не вера, а решительно продолжение Западной Римской империи, и в нем все подчинено этой мысли, начиная с веры. Папа захватил землю, земной престол и *взял меч*; с тех пор все так и идет, только к мечу прибавили ложь, пронырство, обман, фанатизм, суеверие, злодейство, играли самыми святыми, правдивыми, простодушными, пламенными чувствами народа, все, все променяли за деньги, за низкую земную власть» (8; 450–451). Итак, «История государства Российского» Карамзина была одним из источников создания образа князя Мышкина.

Швейцария, где лечился Мышкин и о которой он часто вспоминает, — один из главных символов романа, соотносится со Швейцарией как топором рая в «Письмах русского путешественника».

На Мышкине, который приехал в Петербург в конце ноября, «был довольно широкий и толстый плащ без рукавов и с огромным капюшоном, точь-в-точь как употребляют часто дорожные, по зимам, где-нибудь далеко за границей, в Швейцарии или, например, в Северной Италии, не рассчитывая, конечно, при этом и на такие концы по дороге, как от Эйдткунена до Петербурга» (8; 6). Подобный плащ, описанный Путешественником, в Берне спас одного студента, который упал с лошади с огромной высоты: «Сказывают, что на студенте был тогда широкий плащ, который, захватив под себя много воздуха, удерживал его при падении и не дал ему сильно удариться об землю»¹⁷. Этот плащ имеет несомненное символическое значение. Автор «Идиота» с иронией замечает, что заграничное мировоззрение «оказалось не совсем пригодным в России» (8; 6). Швейцарский плащ в России не мог спасти «бедного рыцаря» Мышкина ни от мороза, ни от равнодушия.

* «Не можем!» (лат.)

Характер князя сформировался в Швейцарии. Коля Иволгин спрашивает князя:

« — А хорошо в Швейцарии?

— Очень.

— Горы?

— Да» (8; 78).

Но отношение Мышкина к Швейцарии, очевидно, расходится с точкой зрения Автора. Достоевский во время работы над романом, живя в Женеве, отзывается о ней очень резко, особенно в письмах к А.Н. Майкову, ругая и климат, и нравы, и дороговизну: «Это ужас, а не город! <...> Ветры и вихри по целым дням <...> И как здесь грустно, как здесь мрачно. И какие здесь самодовольные хвастунишки! Ведь это черта особенной глупости быть так всем довольным. Все здесь гадко, гнило, все здесь дорого. Все здесь пьяно! Стольких буянов и крикливых пьяниц даже в Лондоне нет» (28, II; 226); «Буржуазная жизнь в этой подлой республике развита до *pes-plus-ultra**. В управлении и во всей Швейцарии — партии и грызня непрерывная, пауперизм, страшная посредственность во всем; работник здешний не стоит мизинца нашего: смешно смотреть и слушать. Нравы дикие; о если б Вы знали, что они считают хорошим и что дурным. Низость развития: какое пьянство, какое воровство, какое мелкое мошенничество, вошедшее в закон в торговле» (28, II; 243). Карамзин же писал о почти полном отсутствии преступности в Швейцарии: «Может быть, ни в какой земле, друзья мои, не бывает так мало преступлений, как в Швейцарии, а особливо воровства, которое считается здесь за великое злодеяние. О разбоях и убийствах совсем не слышно; мир и тишина царствуют в счастливой Гельвеции»¹⁸.

Путешественнику Карамзина тоже, как и князю Мышкину, очень нравится Швейцария. Его восхищает ее ландшафт: горы, водопады, живописные долины, утопающие в виноградниках. Ему импонируют швейцарцы, трудолюбивые, приветливые, культурные, любящие свою родину. Везде чистота, порядок. Швейцарские женщины — верные жены и отличные матери. В Швейцарии нет контраста между богатыми и бедными. «Мудрые цюрихские законодатели знали, что роскошь бывает гробом вольности и добрых нравов, и постарались загородить ей вход в свою республику. Мужчины не могут здесь носить ни шелкового, ни бархатного платья, а женщины — ни бриллиантов, ни кружев; и даже в самую хо-

---

* Донельзя (*лат.*).

лодную зиму никто не смеет надеть шубы, для того что меха здесь очень дороги. В городе запрещено ездить в каретах, и потому здоровые ноги здесь гораздо более уважаются, нежели в других местах. Во внутренности домов не увидите вы никаких богатых уборов — все просто и хорошо. Хотя чужестранные вина сюда привозятся, однако ж их позволено употреблять не иначе как в лекарство»¹⁹. Более сдержанно он отзывается о Женеве: «Живучи здесь, я часто досадовал на женеvцев и несколько раз хотел описать характер их самыми несветлыми красками, но теперь, на прощанье, не могу сказать о них ничего худого. Сердце мое помирилось с ними, и я желаю им всякого добра»²⁰.

Путешественник в горах Швейцарии оставляет «земные попечения» в долине, забывает о времени и думает о вечности: «Все земные попечения, все заботы, все мысли и чувства, унижающие благородное существо человека, остаются в долине <...>. Здесь смертный чувствует свое высокое определение, забывает земное отечество и делается гражданином вселенной; здесь, смотря на хребты каменных твердынь, ледяными цепями скованных и осыпанных снегом, на котором столетия оставляют едва приметные следы, забывает он время и мыслию своею в вечность углубляется <...>»²¹. Мышкин тоже забывал о времени в горах Швейцарии и готов был пойти за линию горизонта в райский город Неаполь.

Составляющие образа швейцарского пейзажа и в «Письмах», и в «Идиоте» одни и те же: горы, старые сосны, водопад, развалины средневекового замка, внизу виноградники, деревенька... При виде неприступных гор русскому путешественнику приходит мысль, что если когда-нибудь он останется один, то удалится в горы, «где все, все забыть можно, все, кроме Бога и природы»²². Затем, обращаясь к своим друзьям, оставшимся в далеком отечестве, Путешественник снова говорит об уходе в горы, где он проведет остаток своих дней: «Ах! Если вас не будет на свете, то связь моя с отечеством перервется — я пойду искать какой-нибудь пустыни во глубине Альпийских гор и там, среди печальных и ужасных предметов природы, в вечном унынии проведу жизнь мою»²³. Мышкину тоже иногда хочется бежать назад, в Швейцарию, и все забыть, но он понимает, что это невозможно и было бы малодушием с его стороны.

Путешественник уверен, что созерцание красоты природы уничтожает даже страх смерти: «Я думаю, что ужас смерти бывает следствием нашего уклонения от путей природы, — рассуждает герой Карамзина. — Думаю, и на сей раз уверен, что он не есть врожденное

чувство нашего сердца. Ах! Если бы теперь, в самую сию минуту, надлежало мне умереть, то я со слезою любви упал бы во всеобъемлющее лоно природы, с полным уверением, что она зовет меня к новому счастью, что изменение существа моего есть возвышение красоты, перемена изящного на лучшее. И всегда, милые друзья мои, всегда, когда я духом своим возвращаюсь в первоначальную простоту натуры человеческой — когда сердце мое отвергается впечатлениям красот природы — чувствую я то же и не нахожу в смерти ничего страшного»²⁴. Но против подобного сентиментального отношения к смерти протестует умирающий от чахотки Ипполит. По совету князя он переехал на дачу в Павловск. Вначале ему действительно стало лучше. Но потом он понял, что все равно где умирать: в своей комнате, глядя на кирпичную стену за окном, или в Павловске: «Для чего мне ваша природа, ваш павловский парк, ваши восходы и закаты солнца, ваше голубое небо и ваши вседовольные лица, когда весь этот пир, которому нет конца, начал с того, что одного меня счел за лишнего? Что мне во всей этой красоте, когда я каждую минуту, каждую секунду должен и принужден теперь знать, что вот даже эта крошечная мушка, которая жужжит теперь около меня в солнечном луче, и та даже во всем этом пире и хоре участница, место знает свое, любит его и счастлива, а я один выкидыш <...>» (8; 343).

Князь Мышкин, как и Путешественник Карамзина, именно в Швейцарии научился быть счастливым. Карамзин утверждает, что счастье не в прошлом и не в будущем, а в настоящем, которым надо научиться «дорожить»: «<...>тогда прекрасный день, веселая прогулка, занимательная книга, искренний дружеский разговор, даже ласки верной собачки (которая не оставила нас вместе с неверными любовницами!) извлекают из глаз наших слезы благодарности, но тогда же и смерть любимой птички делает нам превеликое горе»²⁵. Об этом же говорит Мышкин перед эпилептическим припадком на званом вечере у Епанчиных: «О, что такое мое горе и моя беда, если я в силах быть счастливым? Знаете, я не понимаю, как можно проходить мимо дерева и не быть счастливым, что видишь его? Говорить с человеком и не быть счастливым, что любишь его! О, я только не умею высказать... а сколько вещей на каждом шагу таких прекрасных, которые даже самый потерявшийся человек находит прекрасными? Посмотрите на ребенка, посмотрите на божью зарю, посмотрите на травку, как она растет, посмотрите в глаза, которые на вас смотрят и вас любят...» (8; 459). Для того, чтобы быть счастливым, нужно «чистое сердце», поэтому и умеют быть счастливыми Путешественник и князь Мышкин.

«Базельская картина» Ганса Гольбейна «Мертвый Христос» — тоже, как и Швейцария, — один из главных символов романа «Идиот». Исследователи считают ее идейным центром произведения. Впервые в русской литературе эта картина была описана Карамзиным в «Письмах русского путешественника»: «В Христе, снятом с креста, не видно ничего божественного, но как умерший человек изображен он весьма естественно»²⁶. Аналогичным образом рассуждает Мышкин, утверждая, что «от этой картины у иного еще вера может пропасть!» (8; 182). Позднее более обстоятельно эту мысль развивает Ипполит в своей «Исповеди» (8; 338 — 339).

Достоевский мог научиться у автора «Истории государства Российского» изображению сильных характеров. Жрец у древних славян изображался с ножом в руке²⁷. Нож — неотъемлемый атрибут Рогожина, который, убивая Настасью Филипповну, как бы приносит ее в жертву своему «мертвому» богу.

Через весь роман проходит сравнение России и Запада. Роман «Идиот» можно рассматривать как полемику с автором «Писем русского путешественника» по вопросам гуманистического и религиозного мировоззрения, путей развития России и Запада.

Мышкин, как и сам Достоевский, «страстно» верит в Россию и русский народ, полагает, что у России особый путь развития: «Надо, чтобы воссиял в отпор Западу наш Христос, которого мы сохранили и которого они и не знали!» (8; 451). Автор «Писем русского путешественника» был убежден в том, что путь развития у всех народов один: «Путь образования или просвещения *один* для народов; все они идут им вслед друг за другом»²⁸.

Путешественник — гуманист. Он обращается к жителям Лозанны: «Гордясь именем швейцара, не забывайте благороднейшего своего имени — имени человека!»²⁹. Мышкин для многих человек с большой буквы. «Прощай, князь, в первый раз человека видела!» — говорит Настасья Филипповна (8; 148). Ей вторит Ипполит: «Я с Человеком прощусь» (8; 348). «Вы честнее всех, благороднее всех, лучше всех, добрее всех, умнее всех!» — восклицает Аглая (8; 283).

Путешественник отличается веротерпимостью. За эту черту он хвалит Вольтера: «К чести его можно сказать, что он распространил сию взаимную терпимость в верах, которая сделалась характером наших времен <...>»³⁰. Автобиографический герой Карамзина, будучи православным, может «от всего сердца» помолиться и в католической церкви³¹. Путешественнику не нравится та нетерпимость, с которой протестанты выступают против иезуитов и ка-

толиков: «Где искать терпимости, если самые философы, самые просветители — а они так себя называют — оказывают столько ненависти к тем, которые думают не так, как они». Для него «истинный философ, кто со всеми может ужиться в мире; кто любит и несогласных с его образом мыслей»³². Карамзин не верил в тайный заговор иезуитов и католиков, которые стремятся овладеть Европой³³. Мышкин в России становится все более нетерпимым. Его нетерпимость по отношению к иезуитам и католикам проявляется в его «программной» речи на званом вечере у Епанчиных.

Достоевский в «Идиоте» ведет полемику с Карамзиным, а также со своим современником, учеником Руссо и Карамзина, Л.Н. Толстым, и по такому ключевому в то время вопросу, как роль дворянства в русской истории. Карамзин был идеологом дворянства. Близкую позицию занимал Л.Н. Толстой. Мотив соблазнения Катюши Масловой напоминает трагедию Настасьи Филипповны и Мари в романе «Идиот» и восходит к одному источнику — повести Карамзина «Бедная Лиза». Не случайно Нехлюдов, как и Эраст, расплачивается с Катюшей именно сторублевой ассигнацией, бедная Мари, подобно Лизе, живет с престарелой матерью в швейцарской деревне, а начитанная Настасья Филипповна, явно намекая на героиню Карамзина, признается: «А тут приедет вот этот: месяца по два гостил в году, опозорит, разобидит, распалит, развратит, уедет, — так тысячу раз в пруд хотела кинуться, да подла была, души не хватало <...>» (8; 144). Автор романа «Воскресение» считал, что дворянство должно покаяться перед народом, чтобы предотвратить надвигающуюся революцию. Князь отстаивает аналогичную точку зрения, когда он в гостиной Епанчиных, произнося свой монолог, разбивает китайскую вазу. На наш взгляд, автор в этой сцене с явной иронией относится к позиции князя. Как верно пишет С. Белов: «<...> в 1870-е годы начинается расхождение Достоевского с Карамзиным как идеологом дворянства. Достоевский выступил за новое, духовное дворянство, считая, что в пореформенной России, когда все стало разлагаться и разрушаться, стало разлагаться и разрушаться и традиционное, вековое дворянство. Писатель сравнивал это с утратой веры, с атеизмом»³⁴. Здесь имеется в виду позиция Достоевского, получившая отражение в его творчестве, начиная с романа «Подросток». Но писатель начал эту полемику еще раньше, в конце 1860-х годов, в романе «Идиот».

Финалы двух произведений резко отличаются. Путешественник благополучно возвращается в Россию, Мышкин в безнадежном со-

стоянии возвращается в Швейцарию. Князь, воспитанный по системе швейцарского доктора Шнейдера, не мог преодолеть всех тех трудностей, которые ожидали его в России. Он не был подготовлен к ним. Достоевский понимал, что «дело» русских князей уже проиграно, что миссия дворянства, которое, начиная с эпохи Петра I, получало воспитание на Западе, несостоятельна в нашей истории.

Итак, Мышкин в начале романа — это сентиментальный герой, чей характер и мировоззрение полностью сформировались в Швейцарии. Он открывает для себя свою родину, как Колумб Америку. Он «пастушески» смотрит на жизнь в России и «по-швейцарски» понимает русского человека. Незнание русской жизни приводит к тому, что он совершает ряд роковых ошибок, которые имеют трагические последствия как для него, так и для других персонажей романа. Идея Достоевского, нашедшая воплощение в сюжете «Идиота», — показать, что Россия должна развиваться самостоятельно, что Запад может оказать только разрушительное влияние на нашу страну. Поэтому воспитанник Запада Мышкин потерпел поражение в России. Последним аккордом романа звучат заключительные слова Лизаветы Прокофьевны, выражающие авторскую точку зрения: «И все это, и вся эта заграница, и вся эта ваша Европа, все это одна фантазия, и все мы, за границей, одна фантазия... помяните мое слово, сами увидите!» (8; 510). Это противоположно идее, которую отстаивает автор «Писем русского путешественника»: Россия должна стать на благотворный для нее западный путь развития, другого пути не существует.

Примечания

¹ Карамзин Н.М. История государства Российского: в 12 т. — Т. II–III / Под ред. А.Н. Сахарова. — М.: Наука, 1991. — С. 45.

² Там же.

³ Там же. — С. 93.

⁴ Там же. — С. 189, 359, 392.

⁵ Карамзин Н.М. История государства Российского: в 12 т. — Т. V / Под ред. А.Н. Сахарова. — М.: Наука, 1993. — С. 106; см. также характеристику этого князя на с. 139.

О князе Свидригайло и «Истории...» Карамзина как одном из возможных источников при создании образа Свидригайлова писали С.В. Белов (Роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание». Комментарий. — Л., 1985. — С. 80) и Б.Н. Тихомиров («Лазарь! Гряди вон!» Роман Ф.М. До-

стоевского «Преступление и наказание» в современном прочтении. — СПб., 2005. — С. 267).

⁶ Карамзин Н.М. История государства Российского: в 12 т. — Т. II — III / Под ред. А.Н. Сахарова. — М.: Наука, 1991. — С. 312.

⁷ Карамзин Н.М. История государства Российского — М.: Эксмо, 2010. — С. 827.

⁸ Федоров Г.А. «Се человек» (картина Яна Мостарта) // Федоров Г.А. Московский мир Достоевского: Из истории русской художественной культуры XX века. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — С. 365-366.

⁹ Карамзин Н.М. История государства Российского: в 12 т. — Т. VI / Под ред. А.Н. Сахарова. — М.: Наука, 1998. — С. 46–47.

¹⁰ Там же. — С. 244.

¹¹ Карамзин Н.М. История государства Российского: в 12 т. — Т. I / Под ред. А.Н. Сахарова. — М.: Наука, 1989. — С. 78.

¹² Карамзин Н.М. История государства Российского: в 12 т. — Т. II–III / Под ред. А.Н. Сахарова. — М.: Наука, 1991. — С. 448.

¹³ Карамзин Н.М. История государства Российского: в 12 т. — Т. IV / Под ред. А.Н. Сахарова. — М.: Наука, 1992. — С. 88.

¹⁴ Там же. — С. 42.

¹⁵ Карамзин Н.М. История государства Российского: в 12 т. — Т. V / Под ред. А.Н. Сахарова. — М.: Наука, 1993. — С. 161.

¹⁶ Там же. — С. 209.

¹⁷ Карамзин Н.М. Сочинения: в 2 т. — Т. 1. — Л.: Худож. лит., 1983. — С. 203.

¹⁸ Там же. — С. 175.

¹⁹ Там же. — С. 192 — 193.

²⁰ Там же. — С. 269.

²¹ Там же. — С. 209.

²² Там же. — С. 181.

²³ Там же. — С. 269.

²⁴ Там же. — С. 172.

²⁵ Там же. — С. 464.

²⁶ Там же. — С. 167.

²⁷ Карамзин Н.М. История государства Российского: в 12 т. — Т. I / Под ред. А.Н. Сахарова. — М.: Наука, 1989. — С. 79.

²⁸ Карамзин Н.М. Сочинения: в 2 т. — Т. 1. — Л.: Худож. лит., 1983. — С. 346.

²⁹ Там же. — С. 222.

³⁰ Там же. — С. 236.

³¹ Там же. — С. 116.

³² Там же. — С. 95.

³³ Там же. — С. 93 — 94.

³⁴ Белов С. Достоевский и Карамзин // Русский архив: Альманах. — Вып. 1. — М.: Столица, 1990. — С. 186.